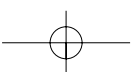
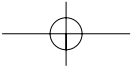
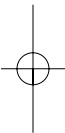

онг шатибелко

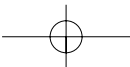
BOOM

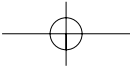
ОЛЕГ ШАТЫБЕЛКО

ВОООТ

0-1-И

Москва 2005

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2)Рос=Рус/6-5
Ш29

Координатор проекта Олег Шатябелко

«Сопромам» — серия книг новейшей русской поэзии. Хотя общий вектор поэтики авторов серии (или, если угодно, преемственность) достаточно точно и совсем не случайно определен выбором авторов преамбулы, было бы неправильно пытаться объединить их какой-то единой концепцией. Серия — скорее констатация поэтического единства проработки и времени для авторов, сначала как литературно-виртуального сообщества «Подлётная» (www.podlota.ru), а потом и его вполне «реального» воплощения в качестве Калининградского поэтического фестиваля *SLOVIMMO 2003-2004 гг.* Почему «Сопромам»? У каждого автора серии есть свое, точное, однозначное толкование названия серии. Своей, так сказать, контекст. А вот общего, извините, нет.

Шатябелко О. В.

Ш29 Воюот / Олег Шатябелко. — М.: ОГИ, 2005. — 56 с. — (Проект ОПИ / Сопромам).
ISBN 5-94282-317-0

Москвич. Автор двух книг стихотворений: «Боковое зрение» (2002) и «Как дела, Веничка?» (2003). Публиковался в журналах «Современная литература», «Серебряная поэзия», альманахе «Черновик», в «Литературной газете» и др.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2)Рос=Рус/6-5

ISBN 5-94282-317-0

© О. В. Шатябелко, 2005
© Д. В. Воденников, предисловие, 2005
© Клуб «Проект ОПИ», серия, 2000
© ОПИ, 2005

О ПОЭЗИИ

Поэзия — неуместна.

На заре своей юности я читал книгу Алексеивич «У войны не женское лицо». Там был примерно такой отрывок из свидетельства одной очевидицы, пережившей немецкую оккупацию (отрывок я привожу по памяти, так что прошу всем свои извинения за возможные неточности).

В какой-то из очередных своих дыках забав группа фашистских солдат направилась на пятиштыльную девочку овчарку, а когда собака стала рвать девочку на части, они слушали, как она кричит, и смеялись. Все солдаты были удивительно красивыми парнями. Теперь, когда я вижу, — вспомнила женщина, — как красивые мужчины смеются (в кафе, на остановке трамвая или просто на улице), я чувствую страх и дрожь.

Так вот, когда я теперь иногда читаю (все реже и реже), кто, что и как пишет в газетах, в Интернете и просто в ЖЖ о современной поэзии, мне тоже почему-то становится противно и страшно.

Очень удобно жить на свете, когда ты сам ни за что лично не отвечаешь. Тогда любой собственный лепет кажется интересным. Однако это вполне поправимо. Если у человека есть ребенок, он никогда не будет шутить насчет детской смертности. Когда у человека *настоящий* рак, он по его поводу, конечно, будет шутить, но все-таки не так, как другие. Чуть-чуть иначе. *С большим* на то основаньем. Если человек лично отвечает за свои стихи, ему, конечно, можно посоветовать пить успокоительные травки и побольше смотреть телевизор, только это ничего не изменит.

Я никому не желаю ни болеть, ни терять своих близких.
Я даже никому не желаю читать и понимать стихи.

ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ

Потому что это тоже выносит тебя за пределы твоей личной безответственности. А это очень мало кто может вынести.

Я просто хочу, чтоб вы знали, что бессмысленные слова тем и хороши, что от них легко откреститься. А любая личная ответственность забавна и глупо выглядит. Поэтому поэт так сейчас силен и беззащитен одновременно.

Потому что он — один из немногих, кто в наше время лично отвечает за свои слова. Как бандит, как предприниматель средней руки, как солдат, попавший в не им развязанную бойню.

*здесь
не собираются ничего превращать
в поэзию
это не цирк
мне плевать
на климакс
яббов, хореев, анапестов
и так далее
мне плевать
на синдром приобретенного иммунодефицита пост-
концептуализма
стихотворение
по сути своей
крик
нет, я конечно, безумец, но я
все же еще держусь
в рамках довольно абстрактных
общепринятых норм
это
мой способ выжить
не более
итак
.....*

*Итак, я однажды ехал со своими друзьями на машине и мы вдруг заговорили о стихах (что было именно *вдруг*, потому что чаще всего мы говорим о любви или вообще о какой-нибудь чепухе). Мне вдруг пришло в голову, что человек, который не может читать настоящие современные стихи, кто человек, который *опоздал в будущее* ровно настолько, насколько он ограничил себя сам (от высокомерия, жеманства или от неумения или нежелания сделать свой собственный выбор, начать свой собственный путь). Если его высшая планка заканчивается Ахматовой (допустим), то он опоздал в будущее примерно лет на сорок, если Сумароковым — то на двух десятках лет. Если Деметьевым — то он опоздал туда навсегда.*

Мой знакомый Саша Орлов подхватил мою мысль (или это была его мысль) и добавил: «Поэзия никогда не бывает современной, потому что поэт, как дурачок, всегда бежит впереди паровоза».

И это правда. Странным образом, говоря только о себе (а они всегда говорят только сами о себе), настоящие стихи всегда намечают нечто новое и в социуме, и в чувственности, и в самовосприятии человека — что для журналистов, политиков и просто людей станет очевидным только через несколько лет, если вообще станет.

*Притом через несколько лет *это новое* утратит свою первоначальную цельность, свой настоящий смысл и станет досужим, размытым и — что самое интересное — *неактуальным*.*

*Для этого — *чтоб быть чем-то новым* — не надо ни писать верлибром, ни писать метрически, ни что-то особо крутить со шрифтом или еще с чем-то, ни отказываться что-то крутить. Для этого надо просто честно в себя всматриваться.*

*Не подглядывать (потому что подглядывать за собой невозможно), а именно *всматриваться*.*

Уверю вас, результаты будут ужасающими.

ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ

Но если все правильно понять и *адекватно* (верлибр, ритмика, шрифты, нешрифты) уложить эту внутреннюю картинку в форму стиха, то в этой твоей ужасающей жизни пробьется все-таки какой-то пронзительный и всепронзающий свет. При всем, возможно, внешнем твоём бесстыдстве. Ибо, свет помноженный на позор, и дает, в конечном счете, поэзию.

И в этом смысле *не стоить* бояться позора.

Потому что поэзия — всегда неуместна.

Потому что стихи не пишутся (ни свои, ни чужие), чтобы быть показанными маме.

Стихи, которые можно показать маме, — это не стихи.

Жизнь, которую можно рассказать попутчику в поездке, — это не жизнь.

Настоящая жизнь — это поганная, страшная, развращенная штука. За которую стыдно, больно и сладко.

И за которую ты все сможешь отдать.

И если ты все отдал за эту свою жизнь, то значит, это и есть твоя жизнь.

Все, оказывается, очень просто — на этом свете.

Раскрошенное вновь не соберется:

Так, яблоко, выловленное из колоды, —

уже больше не яблоко, а совсем иной

Шар болезненный, пульсирующий, наливной...

(Евгения Рыц)

.....

Поэзия всегда сводит счеты.

Поэтому в современных стихах сейчас так много личных имен и почти не переносимых интимных подробностей.

(В лучших стихах эти имена становятся твоими родными, а подробности — переносимыми.)

Какие-то идиллы от литературы до сих пор талдычат о возможности или невозможности в современной поэзии прямого высказывания.

Да кроме прямого высказывания у поэзии сейчас вообще ничего не осталось.

<теперь

сделав какую-нибудь мерзость

или гадость

я понимаю

что

я

сделал

я сразу понимаю

что

я

сделал

ну почти сразу...>

...Как написал мне однажды анонимный читатель на мою мысль о том, что поэтическая и жизненная стратегия — это, в сущности, одно и то же (а также на то, что я всегда считал, что где-то в конце стиха всегда должна быть строчка, которая все предыдущее опровергнет, и тогда правды станет уже две, а две правды всегда лучше одной): «Да! А еще лучше, если пойдутся строчка, опровергающая вторую правду и так далее, а последняя названная правда вдруг окажется совсем простой (с виду) — скажем, будет желанием, чтобы «все небо было взглядом»... Но все предыдущие правды будут участвовать в последней, создавать ее. Если это стратегия — то самая языкательная из известных, и сейчас только она кажется возможной».

И это тоже одна из особенностей нового стиха.

Не останавливаться, *не договарива.*

Все дело в малом — в этом *почти*.

Именно так каждая новая строка опровергает предыдущую, а в конце все удивительным и мучительным образом складывается в одну объемную правду.

ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ

Собственно говоря, это есть настоящая поэзия: *болезненный, пульсирующий, наливной шар*, который ты держишь в ладонях где-то в районе солнечного сплетения, — и четкое осознание, какое геройство или мерзость ты совершил. Ну, или почти совершил.

Возьмите этот шар в руки. Это только вначале кажется страшно. А потом ничего — привыкаешь.

Ну и в заключение...

Я бы хотел вернуться еще раз к «смешной личной ответственности» и к собаке.

Только теперь к *нашей* собаке.

Кому-то может показаться, что я очень резок. Или пафосен. И тот, кому так покажется, *будет прав*. Потому что у него *будут* на это все основания. Впрочем, как и у меня. И личные, и не-личные.

Потому что, наблюдая сейчас самый настоящий расцвет современной поэзии, а параллельно этому — абсолютно климатерическую критику, пытающуюся этот расцвет отследить, я давно уже хочу назвать вещи своими именами.

В частности —

я хочу вернуть пафосу право на существование,

сказать, что поэзия *никогда не кончится*,

а также защитить этих ребят раньше, чем на них нападут.

.....

Что может быть смешнее собаки, которая выпадает в неистовство, пытаясь не отдать своего щенка. Особенно если учесть, что отнимать его никто не собирался. Ибо *его просто хотели поглядеть*. Есть много людей, которые любят просто поглядеть. Всяких детишек, щенков, онкологических больных — и стихи иногда потрепать по загривку.

Не знаю насчет трех первых в этом перечислительном ряду, но насчет четвертого — никому не советую.

Настоящие стихи иногда *огрызываются*.

Дмитрий Воденников

О П О Э З И И

[БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ]

В 0001

0/

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

Здесь

не собираются ничего превращать
в поэзию

это не цирк

мне плавать

на климакс

ямба, хорей, анапеста

и так далее

мне плавать

на синдром приобретенного иммунодефицита пост-

концептуализма

стихотворение

по сути своей

крик

нет, я, конечно, безумец, но я

все же еще держусь

в рамках довольно абстрактных

общепринятых норм

это

мой способ выжить

не более

итак

во-первых,

[1]

я думаю,

что «героем» шестидесятых

можно назвать парня из кинофильма

«а я иду, шагаю по Москве»;

семидесятых —

персонажей, сыгранных О. Далем и О. Янковским

в кинофильмах «отпуск в сентябре»

по «Угинной охоте» Вампилова

и «полеты во сне и наяву»

режиссера Р. Балаана;

восемидесятых —

сказочно-оторванных от реальности

персонажей Григория Горина

из кинофильмов Марка Захарова;

правда, был еще персонаж в фильме Петра Тодоровского

«по главной улице с оркестром» —

его сыграл Олег Меньшиков, —

но на фоне Борисова

он сильно проигрывал ему в искренности;

с девяностыми все сложнее:

какая-то пустота,

или, вернее, малозапоминающаяся, излишняя пестрота —

действительно,

ведь не принимать же в расчет героя Сергея Бодрова

из нашумевшего фильма «Брат»?

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

[2]

... а сегодня они молчат.
я не могу в это поверить,
но они все время молчат.

говорят другие —
соскочившие,
вытавшие,
разговаривают сами с собой,
ругаются сами с собой,
прозрачные настолько,
что им давно наплевать,
как они выглядят со стороны.
стоящие в переходах метро,
у магазинов,
на улице,
летом

просыпающиеся на скамейках в скверах.

им есть что сказать.
они давно хотели выговориться.
они так давно хотели выговориться,
вернее,
они так давно хотели поговорить с тем,
кто знает ответы,
что теперь
они ведут диалог
на равных.
и нас нет.
точнее,
мы есть,
но с другой стороны стекла.
мы,
жаждущие, чтобы хоть кто-нибудь
придумал за нас оправдание
нашему пребыванию здесь —

[3]

вог только не надо
смотреть на меня ТАК.

так —

как будто вы все про меня понимаете.
на меня:
пьющего утренний кофе;
бредущего на работу;
медленно уходящего ночью из дома
женщина,
жившей мом безумием;
джевсидетеля,
уличенного джевсидетелем;
искупленного и искупаемого
нежностью, жалостью и стыдом;
на меня —
сидящего в темноте, на кухне
с -наддатой сигаретой в руке
и ждущего, ждущего, ждущего —
совершенного
в своем ожидании чуда,
совершенного
в своем одиночестве в ожидании чуда —
и тогда я тоже
не буду смотреть на вас ТАК.

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

ВО-ВТОРЫХ,

Я ошущал себя шоколадной конфетой
которую достали из коробки с надписью «ассорти»
и надкусили
чтобы посмотреть
что там ВНУТРИ за начинка —

мы оба были сильно пьяны
и я благодарен ему за то
что он не помнит
как спросил меня

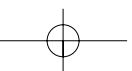
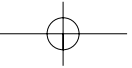
<ты старше на десять лет
женат
у тебя Дети
у тебя три выских
ты зарабатываешь неплохие деньги
ты знаешь чего ты стоишь
ты знаешь про себя все
в чем разница
между тобой сейчас
и тогда?>

я подумал:
<да — я старше
меня били
у моего горла держали нож
я ушел от одной женщины
и умолял другую
не бросать меня
я не очень хороший отец
для двух своих дочерей и сына
я неплохого образованный

неблагодарный
сукин сын
напивавшийся до ангелов
и до чертей
у меня есть два
настоящих друга
я
знаю о себе все
и я даже не знаю
любит ли меня моя жена —

знающему о себе все
можно доверить и душу
скуучно...>

и я ответил:
<теперь
сделал какую-нибудь мерзость
или гадость
я понимаю
что
я
сделал
я сразу понимаю
что
я
сделал
ну почти сразу...>

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

В-Третьих,**[0]**

Выключи свет и телник
выскочи из себя
несколько раз обойди
встань за спиной не веря
дышитесь еле-еле
слышится еле-еле
в белых халатах до пят
в окна глядят деревья
в окна глядят деревья
и видят что ты один

[1]

не со всего размаху о стену,
не молнией, озарением, вспышкой
свыше.
а просто (буднично?)
шел-шел и нашел,
вернее, вошел в комнату
и за три-четыре шага до нее —
по тому, как падают тени,
по звукам с улицы,
по тому,
как приоткрыта форточка,
как медленно качаются занавески,
даст собака,
плачет ребенок —
понял,
нет, сначала вернулся,
повертелся на месте
(кажется, здесь?),
попробовал отыскать эту складку в пространстве,

в которую так внезапно попал, —
нет,
не ослышался, не ослышался:
боже милостивый,
как же она тебя ненавидит —
обрыв пленки —

B 0001

[2]

и сразу:
один в темноте бредешь по квартире
от самой входной двери в дальнюю комнату
и назад.
ловишь себя на мысли, что
это с тобой давно, что это уже не смешно.
выходишь на кухню, куришь, смотришь в окно —
а там почему-то снег
(и это в апреле!),
и хочется водки, и чтобы
завтра был выходной,
и чтобы, натившись, топтать —
плевать,
что это все омерзительно, глупо, нелепо.
и хочется, точно в детстве, чтоб — раз! —
волшебной какой-нибудь талочкой —
и опять
все встало на место —
и снег за окном, и снег,
и прохожие
такие-такие-такие,
что, глядя на них, понимаешь —
у них, у них а-а-а-а-абсолютно все точно так же,
так же, как у тебя:

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

[3]

И

можно спорить с идеей, теорией, мнением,
но с ощущением? —

вот оно, есть, существует и нигуда
больше не денется —

глупо, бессмысленно, бесполезно
злиться, плакать, кричать, раздражаться, молчать,
курить, стешить,

бояться, терпеть, верить, не верить, ходить
якобы в магазин, якобы, блидь, за хлебом,
звонить

Друзьям, пить пиво, идти по бульвару
и слышать откуда-то издалека:

*и все-таки ты — мудака,
она? они? —*

*что-то там чувствуют,
что-то там понимают,
любят и ненавидят.*

*а ты?
а ты?*

*знаешь, что в этом во всем
самое, бя, смешное,
парадоксальное,*

*убийственное, замечательное,
отвратительное,
беспощадно реальное?*

ну?

одно другому совсем не мешает —

хорошо, что у тебя есть такие
добрые, мудрые, тонкие,
а главное, справедливые,
простые, хорошие, честные,
с которыми и в разведку,
и просто пройтись по бульвару
Друзья —

*одно другому совсем не мешает
через неделю Пасха
завтра до плюс двадцати общали*

завтра?

B 0001

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

В-четвертых,

я сидел и смотрел в стену
я сидел и просто смотрел в стену
за окном на улице демонстрировали дождь
а эту картинку я уже видел
по потолку
этажом выше
кто-то шел к звонившему телефону
за стеной
кто-то вызвал лифт
и терпеливо ждал пока он поднимется
я слышал как он дышит

а я просто сидел и смотрел в эту чертову стену
я знал
сейчас трахнет по-настоящему
если закрыть глаза
бывает еще ничего
случалось я умирал и получше

и теперь
мне нужно было правильно рассортировать
накопленные мысли слова ощущения
а они уже явились получить свое
я бы
распределил все совсем по-другому
хотя я и при жизни не мог
их пересторить
я сидел
ипил свое пиво
наверное
мы не должны этого видеть
но наконец
привыкаешь привыкать

...кто-то рядом со мной вздохнул
черт
сигарета упала в пепельницу
фильм испачкался
сейчас
сейчас
еще только минуту
полминуты
и я обязательно встану
и пойду
поиграю с детьми
поговорю с женой
зайду к матери
выпить пива с друзьями
оплачу счета за квартиру
сейчас
сейчас
дай еще только полминуты

В 0001

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

В-ПЯТЫХ,

Да — так продолжается черт-те сколько веков, тысячелетий, жизней — мы, словно одноклеточные, полностью подчинены этому/этой чувству, желанию, страсти, когды, напрягая всю свою волю, вооружившись самыми хитроумными механизмами: логикой, рифмой, культурой, гуманизмом, психоанализом и прочей фигней —

лишь иногда обнаруживаем то ли след, подтверждающий, что о н о все-таки есть, существует, то ли это о н о само, нарочно, подбрасывает его у нас на пути, как, например, перо из крыла какой-нибудь экзотической птицы, уже ненужное, мертвое, пораженное неизвестным науке вирусом или болезнью:

католицизм, православие, мусульманство, буддизм?
выбор оружия оставлен за нами.
атеизм? ради Бога!
вам не кажется, что все это уже с нами было в самом начале?

сексуальная революция?
(с интонацией «кушать подано»):
пусть —

B 0001

если уж вам так хочется (перестаньте — почему бы, в конце концов, е м у не быть сексуальным?).

американский аналог?

это который —

пляжи-канары-маргини-лимузинь-бикини? —

на здоровье!

без комментариев.

наркотики?

без комментариев.

шведские семьи, страсти а-ля лолита? —

без комментариев, без комментариев,

без...

ТО-

ДЕ-

РАННОСТЬ —

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ —

вог что должно быть начертано, как девиз, на знамени нашей эпохи —
вог только — вы слышите?:

«ну что же вы все никак не поймете?

ну как же вы все никак не поймете-то?» —

шепчем мы каждое утро,

пока наши сны

не исчезают в нас, как в воде

быстро растворяемая, шипучая

таблетка аспирина —

и только жалость,

бесконечно-простая, прозрачная жалость

не может утешить нас,

но отчего-то сжимает

нашу холодную руку

крепче и крепче...

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

В-ШЕШТЫХ,

И вот потом очнешься утром на кухне как будто вынырнув из своего ночного кошмара как будто вырвался из окружения врукоташную злой, обессиливший, потому что ночь напролет вы спорили, спорили, спорили вспоминаешь:

нет, я со всем соглашусь, подмигнусь

только

ответь на вопрос

на один мой вопрос

ответь мне за всех, для всех

за себя, для меня

потому что пора

потому что давно, бя, поря

ответить уже на него

только честно

без всяких там бла-бла-бла

на хрена

какого черта, какого рожна

вы что извините

книг не читаете

телевизор не смотрите

история там, достоевский, чехов, бкувовски,

бродский, модарт, чайковский,

станиславские там немировичи-данченко

дед твой,

который войну, латеря

мать, отец

бестартийная и партийный

верушда и атеист

херня

все, понимаешь, херня
если

все, что теперь ты имеешь

это вот эта работа и водка по пятницам

понимаешь

и снова работа и снова

на новый год, на восьмое марта

на пасху, на майские

навсегда

но слышишь

не смей мне рассказывать как

это все тебя задолбало, достало

выкрутило

все устали

я слишком давно с тобой рядом

я видела тебя и другим —

и вот потом очнувшись утром на кухне

как будто вынырнув из своего

ночного кошмара

как будто вырвался из окружения врукоташную

злой, обессиливший, потому что

ночь напролет —

знаешь

что нужно сделать?

потому что что-то ты должен сделать

с этим:

встать

выкрутить кран с горячей водой

и мыть

просто мыть

эту чертову гору посуды

намывая и смывая

намывая и смывая

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

как-то особенно реалистично представляя себя возвращающимися из гостей на последнем метро
 пьяного
 явно пытающегося нарваться
 прицепившись к группе довольно нервных девушек и парней
 с абсолютной идиотским вопросом:
вы читали буржеса?
у него там есть одно место...
 и, наконец, наравшегося
 все справедливо
 почти не защищаться
 воспринимать случившееся
 с каким-то даже удовлетворением
 самое трудное
 это отмыть чугунную сковородку
 и старые пригоревшие алюминиевые кастрюли
 я драил их мотком железной проволоки
 яростно остервенело
 до блеска
 до зеркального блеска
 скобля надравая оттирая
 до такой чистоты, белизны
 как эта заутрена
 без единого слова
 как эти руки
 вымытые после всего
 несколько раз обычным хозяйственным мылом
 ВДОХ-ВДОХ...
 ВДОХ-ВДОХ...
 я люблю тебя, жизнь!

И В-ПОСЛЕДНИХ,

Мне кажется,
 империя гордых алкоголиков рухнула.

мы проснулись в республике
 элпатажных,
 Добрых,
 яростных
 самоубийц.

элпатажных —

потому что в нашем стремлении к красоте —
 будь оно трижды неадап! —
 есть что-то болезненно-величественное,
 завораживающее,
 как осознание того,
 что если уж мы ничего не можем
 изменить, понять, объяснить
 и от этого сходим с ума,
 то пусть —
 мы хотя бы это
 устроим красиво.

Добрых —

потому что к стыду своему
 жизнь о-бо-жа-ем.
 себя —
 за то, что не стали, не состоялись —
 уже не виним, но и не
 принимаем.
 не можем принять.

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

а ведь с этим надо прожить!
яростных —

потому что — о господи —
сколько ее

в этом внешне спокойном,
медленном, странном, размеренном
самосжигании

в алкоголе,
наркотиках,

дома у телевизора,
и, особенно,

в каждодневном,

тупом, механичном
хождении на работу,

потому что

ведь надо же что-то грызть нашим детям!!!

и знаете —

единственное отчетливое желание,
которое все объясняет,

единственное не растлавившееся

в этом липком вареве интеллигентских сомнений
желание,

за которое мне и сейчас ни перед кем не стыдно, —

это возможность до самого конца

просидеть на краю этой огромной бездны —

тихо-тихо,

не суетясь,

не делая резких движений,

чтобы — не дай бог! —

не упасть туда самому

и, что самое главное,

не подтолкнуть в нее кого-то другого

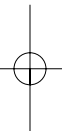
своим искренним,

естественным,

но осторожным движением.

империя гордых алкоголиков рухнула —
и слава богу, что в этом
нет ни малейшей нашей с вами заслуги.

B 0001

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

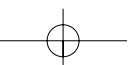
[ПРОСТОЖИВИ]

[он вечер пятницы]

Он странным образом возможен
и скучным образом логичен
он вечер пятницы он стичка
он просто так контекст прохожий
хоть хитрым образом в офсайде
он вечер пятницы он входит
а пыль и слово зависают
на полузвучу на полувдохе
и нам смотреть — он входит
и начинает с изнанки
он весь вот-вот он скоро трянет
он болен ветром и метранкой
он говорит по-задолбански
нас наизусть ему затридацать
он в самом центре циферблата
он здесь один наговориться:

*о(н) дайте дайте мне под утро
поспать проспать я буду белым
пятнацать десять пять минуту
воротничком кромешным телом*

он вечный Стам он подгляделка
он жесткий диск оперативка
про эту женщину вне тела
про эту комнату на гитрах
про этих мальчиков нарваться
про этих девочек из порно
про этот твой театр дурацкий
я повторю: те-атр ду-рацкий

B 0001

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

[Куклушки]**а)**

потом —
 я выпивший сам себя кофе,
 по вене смывшийся аспири́н —
 потом ты варишь меня, как картофель,
 до состояния пластилин;
 потом ты, в детство впада́я, лепишь
 до первой крови меня — потом,
 как сердце в горле, как мякиш хлебный,
 как гроши́к, — носишь под языком:
 а я на вкус, как зимой́ железо,
 прили́л, приклеился и заги́х —
 потом ты ходишь по всем подьезда́м
 и самой храбро́ю из труси́х
 ты водружаешь меня на полку,
 как фотографию за стекло́, —
 а чтоб помучился долго-долго,
 гремишь ключами в прихожей громко —
 и на прощанье целуешь в лоб.

б)

Безусловно, тора пресека́ть
 Превраще́нья эти́х вещей,
 Те́лка в темку, дево́чка в дере́во,
 Снег в салфе́тку и тому́ подобно́е.
 Для начала́ что предприня́ть?
 Ограничи́ть себя́ собо́й:
 Вы́жми рифмы, отме́ни метафо́ры,
 Бро́сь любовника́, не пой в
 убо́рной.
 Кто со мною́ в ночи́ говорит?
 Я и днем с тобо́й говорю́.
 Кто на это́т вопро́с отве́чает?
 Отве́чает, задава́йте сле́дующи́й!
Мария Степанова

.....
 потом ей снится, что она куклушка,
 и что ее подбрасывают вверх
 две девочкы, которм очень скучно,
 две девлушки, которм очень нужно
 увидеть: Дальше, дальше тоже скучно? —
 и вот она куккует изо всех,
 летит, пока не падает на спину,
 а кто-то маленький, секретный из нее
 бормочется: «спы, дево́чка, анти́нка,
 кровинка, дичка, птичы́е радио́ мое!»;

.....
 потом она пытается смолчать,
 пока ее выводят на экзамен,
 пока ее ведут под образами,
 пока ее несут под небесами
 из офиса до дома и опять,
 и только эта су́чка, то́чка, ча́сть
 куккует в ней с закры́тыми гла́зами,

[Информбюро]**а)**

Творил намаз вишневого варенья
на мааленькие такие печенья
и кормил что ттенца
выцеловывал
женщину которую не
но которой
так боялся коснуться дотронуться
тронулся —
лед ко лбу лоб к стеклу шест на голову
сохранять равновесие вместе
так просто —
выспросить одними глазами:
аз-есмь-тебе-остров?
или аз есмь в тебе только гочка печенная кроха?

а знаешь

*мне никогда не бывало с тобою пло...сто:
а тут ты — лох-нежное чудо
а тут — вишневое шоу
так что мне хорошо ну
должно же мне быть хорошо а*

*хотя бы чуть-чуть-но***б)**

один невмыслимый я
другой невмыслимой я:

не могу мол больше
видеть дышать терпеть ненавидеть
как

ты умираешь

как я

вижу терплю ненавижу
как эта фишня патерня шестерня
ужо не цепляет милдруп за милдружку
рассыпается в дыр-бул-ширную стружку
кагится от себя как с торы колесо
падает в реку в которой небо впадает в сон
ложится на спину ложится на дно
тоже мне жакивкусто
так и те-ре-жи-ва-ет подводнокожно
иды и дикобряды
ян-враль и фе-враль

но

сказка-то в том что теперь я наверное должен
быть как можно дальше с тобою рядом
на всех наших 8-916-летиях
чтобы когда мы все-таки все-таки
вспомнимся встретимся
не дать нам zapomни опомниться
чтобы нас так и сфоткали
слитно скоросшивательню
тока не выключился наш топсекретный охуватель
вог и будет нам жопица

в)

в результате кровопролитной зимы:
девяносто семи чашек кофе
выпитых по плотку чайной ложкой
близко к лицу многосложно
словно у нас малоокровье
словно нам капельницу

условно

в результате кровопролитнейшего новогодья
все мы медленно но переходим
из рук в руки из рук друг друга

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

как та деревенька в войну
с условным названием Непонятки
ах ты Брака моя Брака
давай поиграем в прятки
чур я в первом круге ты в пятом
да, вот именно в результате
мы оставили нас оставили нас застали:
злитесь болеее недосыпатель
смотрит утром в остеклеватель
тихо нам тут называтель
все бродим и бродим по снеговате
склоняемся в предавательные падежи
дай подслушать мобильный истоскователь
хороший какой — молчит иногда дрожит
идет сеть путает имена психует
*знаешь, глупо, но часть меня
никогда не просыпалась утром
не открывала не отводила глаз;
стои камера! с этой секунды
ваши сны и ваши молчанья
могут и обязательно будут
использованы против вас*

➤ [ВСЕГДА СОСА-СОЛА]

УТУ: а еще каждое воскресенье к тебе психолог —
дырыпта-дыпочка-дыпта:
нет вы конечно две разные архетипы
те еще капризули тот еще порох
но в принципе
два сапога пара — сука вы пациент
потому что пока я волпрос сигарету из пачки —
вас уже нет

сбежать обернуться (вы) вернуться иначе
сидеть напротив ниже травы тише мыши
говорить то что хочу услышать

B 0001

а мне тут пиши ваши уткуи уловки кивки
а это просто неправильные поддавки
заняты гудки латинницей sms-ки кривлянье
короче полное свидригайлофф-детектив-шоу
причем в оф-лайне —

*а_я_вскрытая_кока-кола
а_я_шпичее_горло
когда льблоссясжу медленный что дурак
денди лондонский — чай-сэр-втригядку
потому что ну как я ему расскажу
объясни мне ну как:*

*каждую ночь ты стучишься мне в пятку
бродишь во мне/уходишь по-ангельски по-английски
все шепчешь бормочешь словно тебе тут коладки*

*жухало ты блин блинский
жухало ты блин блинский
жухало ты понятню?*

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

[Тут входишь ты]

Тут входишь ты — а я блин на канате
своих дурацких самовозражений
всю колеблюсь самовыражаюсь
как акробат последний господа прости
а ты уже наводишь свой вечерний
контрольный свой вопрос: ну как дела?
а я стою как девочка-нимфетка
НО Я СТОЮ а всякая фигня

горчит из всех моих полишинелей —
а был? сегодня честный понедельник:
когда меня по улице вели
когда меня по улице водили

а я Дрожал пока в меня звонили
как в лихорадке как мобильный тел.
Я С ВАС МОЛЧАЛ ПОКА ВЫ ИЗВИНИТЕ
МЕНЯ ЛЮБИЛИ или не молчал?:

не можете принять меня — не надо
не можете понять меня — не надо
не можете п(р)оверить — и не надо
а сам еще не верю что упал

по хармсу как обычно со стены —
но я лежу и думаю что это:
ну правда очень долго объяснять

тем более ВОКРУГ ТАКОЕ ЛЕТО
не то что ты понять меня не сможешь
а просто: это долго объяснять

[Вот именово]

Потому что это долго рассказывать
извиняться прощать объясняться
потому что вам все бы до мяса
умный молодой человек
потому что вам все бы разумом
вместить себя выместить не
показывай на себе ванечка карамазов

я вот все думаю что когда —
вы маетесь да? непруха вечная депрессуха
придумай же что-нибудь вечером
куривовори как последняя дурацуха
гаси в комнате свет
держись прямо как маргарет тэтчер
говорить гордо ни да ни нет
мол в целом места
для инвалидов лиц пожилого возраста и
пассажиров с детьми —

я сразу чувствую себя голым полым
дваслога-нутым классическим провокатором
бегущим по эскалатору вниз/вверх
крикнуть в лицо каждому из
пока вы жалуетесь на жизнь на всех
канючите ноете порите ну совсем
чушь наблюдаете пост гост политес экumenизм
храните покойволю и стресс
карму и сколькожевашумать
в разжалованном метрополитене имени:

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

ну то есть чистят карму голову от
ставят подпись-число-месяц-год —

потом ктоуглоднونهя отлепляется от стены
выходит из-за спины

доолгомолчасидит на кровати
красивый как черт как дьявол
думает ниочем

поправляет на мне одеяло
разминает пальцы закрывает глаза
открывает глаза откидывается назад

нашутывает меня затлапывает наживку
становится как-то сразу собакой на сене
чуть-чуть фетишистом немного фашистом

в том смысле что жить так
летать выше пафоса не спасение
не метод не повод не жест

а вовсе наоборот мон шер —
процесс обмана веществ —
простожизнь для

длядлядля не знаю чево —

потому что уже

ни ярость нас ни отчаяние не берет -
вот вылюбил вылизал придушил бы
туше

рот в рот

B 0001

[абырвалл]

я не знаю кому из них хуже

когда она говорит-говорит

он от испуга лепит хлебных сверхчеловечков

расставляет их на столе макает их в соль

ты не слушаешь - слушаю

курит от нечего делать делает вид

просто он вспоминает как мать с отцом

уходили на кухню уложив его спать

он вылезал из кровати отдавал солдатам приказ

взять в плен черепяху нину слышал как мать опять

пела шепотом свою ой(цветет)калинку

отец хлопал дверью в сердцах курить на балкон

вот тебе и спят усталые игрушки книжки спят

таракан-таракан-тараканище -

когда у него болит голова когда

соленые хлебные сверхчеловечки

соленые хлебные сверхчеловечки

халва халва прием абырвалл

он всегда поет просебя служили два товарища ата

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О

[Щетнаботиннок]

она отгрызает от черствой горбушки
насыпает крошки ему в ботинок
он ей плюет на зубную щетку
тщательно моет свою голову что
помнит про эту противность интимность
и все же не вынимает крошки
ходит их в пыль до мозолей при чем тут
садо мазо? она ведь тоже
знает про всёвсёвсё
читает ну например справочник медицинский
что-то про боли в спине

битый не бигого везет
битый не бигого везет

иногда они разговаривают на гороскопном
она называет его мой ласковый циник
самый тупой скорпион в мире или
маленький гнев

все потому что наверно его проблема
в том что он до сих пор
даже совсем уже охренев
от этой мультяшки киношки были
а не знаю где его этому научили
но вот блин уверен

так тоже нуправда бывает когда не хватает эда
пока чистит зубы её зубной щеткой
в зеркале видит отчетливо

последнюю крысу на корабле
считает она первая начала

он никак ее не называет хотя она лев

B0001

ПОЗЖЕ чехов есенин тоголь? вампилов? шукшин?
КОРОЧЕ эдакий еаи де сологне — септiтi плюс шиптр
А теперь разбежались по стальным районам — вае:
ДРАЗНИТЬ друг друга вместо жених и невеста
ТРИЖДЫ тридцать три раза — Пьерооо травестиинии

*просто мы не страдаемся с подробностями
 просто мы не страдаемся с подробностями*

ну и так далее: и так далее: и так — далее

[Простоживи]

а) вспомнить бы где забыл
 книгу перчатки привкус твой —
 прикус моей Москвы:

как телефон завыл
 сделал кульбит кувырк
 вырубил электричество
 как перешел на вы
 яузу миг в язычество

*помнить как все забыл
 честно подробно связчиво
 помнить как все забыл
 был*

б)

давай слово «прости» уьем,
 облизем губы, к вешалке отойдем,
 как кутузов в тарутино.

*будем там
 высмагривать издали,
 как там они без него,
 живы, дышат ли —
 вооот.*

давай жить в кор бке,
 в спичечном коробке:
 там тесно, подробно,
 зато там с кем.

приходи посмотреть в мой оконный живот:
 там муха уснула, там ветер живет —
 вооот.

О Л Е Г Ш А Т Ы Б Е Л К О**В)**

а он мне и говорит: живи просто — простоживи,
не истязайся вином, вином не исходи,
оставайся, васья, стокоен, покоен,
не истери, медленно, правильно говори,
как М. Уэльбэк, словно Д. Козн —
и все такое...

а она мне и говорит: ну было и было — и?

все ваша гребаная толерантность —
носиться с нею, как с ручкой от сломанного стол-крана,
выпросить иронии у судьбы — легкого вам пиара,
братья-кролики, когда вы запроситесь
на руки каждой бляди дома, на улице, в офисе —
а вы запроситесь...

а мама и говорит: я не помню, потому что не больно
(не больно, не больно — курица довольна):
помню только — все носила вам воду в клюве,
все пила, пила, чирикала «даждь нам днесь» —
а теперь я девочка, дочка, я сноваюлька —
там, в принципе, каша есть — ты не хочешь поесть?

*а я говорю: ма, потому, что они нас не любят —
все потому, что они нас не хотят,
да и мы их, в целом, в общем, не очень, и все такое, ма —
такими-какие-мы-есть:*

*мы — такие красивые и такие пьяные,
мы — такие пьяные и такие красивые —
они и яни, яни и они —
я скажу тебе вот что —
набожность нашей црочи — просто пошлость
(я не помню, когда мы такими стали) —
способность, простите, любить,
выродившаяся в сентиментальность.*

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Воденников. О поэзии

5

[БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ]

0/

во-первых

12

во-вторых

13

в-третьих

16

в-четвертых

18

в-пятых

22

в-шестых

24

и в-последних

26

[ПРОСТОЖИВИ]

29

[он вечер пятницы]

32

[кукушки]

34

[метафизика однослонных вопросов

37

в процессах сжатия]

38

[информбюро]

38

[тут входилъ ты]

42

[вот именно]

43

[допустим]

45

[абырвалг]

47

[деткаботинок]

48

[химитренский]

50

[и т. д.]

51

[простоживи]

53

Литературно-художественное издание

Шатыбелко Олег Витальевич ВОООП

Идея серии: Д. Борисов, Н. Охотин

Ответственный редактор Е. Савина

Ведущий редактор О. Старикова

Макет серии: С. Митурнич

Обложка: М. Аздин

Компьютерная верстка: А. Иванов

Объединенное гуманитарное издательство

103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 8

Факс: (095) 924-5761, тел.: (095) 744-3170

е-мал: info@ogi.ru

Книги издательства ОГИ можно приобрести:

м. «Чистые пруды», Куровоколенный пер., д. 10, стр. 5, кафе «Вилингва»;

м. «Чистые пруды», Потоловский пер., д. 8/12, стр. 2, клуб «Проект О.Г.И.»;

Кафе «Дирочка»: м. «Площадь Революции»/«Дублянка», ул. Никольская, д. 19/21;

м. «Охотный ряд»/«Театральная», ул. Большая Дмитровка, д. 12/1, стр. 1;

м. «Перово», Зеленый прот., д. 5/12

Заказать книги ОГИ можно: тел. (095) 744-3171, е-мал: info@ogi.ru

Оптовые продажи: тел. (095) 744-3171, е-мал: info@ogi.ru

За пределами России наши книги можно купить: www.estep.ru.com

Подписано в печать 30.03.2005. Формат 84×108 1/32. Гарнитурa OffisinaSerif.

Объем 1,75 печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Заказ №